

О.Ю. Малинова.

Хотела бы включиться в дискуссию по поводу 91-го года как исторического события.

Как вообще возникают исторические события, из чего складывается это явление – историческое событие? Мне кажется, то, что мы называем историческим событием, складывается не только из фактора экстраординарности происходящего. Экстраординарности, которую не могут не чувствовать современники, на которую они не могут не откликаться.

Но еще очень важно для формирования восприятия исторического события то, каким образом оно объясняется, то, в какие нарративы, в какие смысловые схемы оно встраивается. И здесь, как мне кажется, мы можем говорить о смысловых схемах разных уровней. С одной стороны, есть то, что называется метанарративы. И, соответственно, 4 и 14 июля, о которых сегодня упоминалось, это были события, которые с самого начала встраивались в очень актуальный нарратив, который можно назвать прогрессом, модернизацией и т.д. И в этом смысле это создавало некую смысловую рамку для этих событий.

Если говорить о том, в какие смысловые схемы такого метанарративного уровня встраивался распад Советского Союза, то, наверное, готовых схем было две. Одна схема – схема холодной войны, о которой говорил Иван Курилла. Понятно, что эта схема не вполне удобна для нашего внутреннего российского употребления. Точнее говоря, во внутрироссийском дискурсе она используется в определенном сегменте этого дискурса. В том сегменте, который принимает теорию заговора и прочие вещи. Вот такой исход холодной войны, происки врагов.

Второй большой нарратив – это метанарратив, заданный националистической картиной мира, национализмом как метаидеологией, которая рассказывает о том, как устроен современный мир и как нации стремятся к свободе и независимости.

Этот метанарратив был очень успешно использован во многих частях распавшегося Советского Союза, но по понятным причинам его было не слишком удобно использовать в Российской Федерации. И опять-таки не то, чтобы он в Российской Федерации совсем не представлен. Но, в общем-то, он подавляется и табуируется. И понятно, что те люди, которые стремятся представить распад Советского Союза как торжество русского национализма, в глубоком меньшинстве. С этой точки зрения готовая схема плохо вытанцовывается.

Если посмотреть на нарративы другого уровня, то, что мы называем национальными нарративами, те схемы, по которым рассказывается отечественная история, и посмотреть на то, как эта схема эволюционировала, официальная, та, которая от имени государства артикулируется, то мы можем увидеть, что здесь действительно была трансформация. И в 90-е годы официальный дискурс развивал идею новой России, которая является совершенно новой, не похожей на все предыдущие этапы, успешно преодолевающей некоторые трудности предыдущих этапов, но, тем не менее, новой.

Удивительная вещь, и это было подмечено, что при всем при том 91-й год, - по понятным причинам, не декабрь, но даже август,- политиками, которые развивали такую смысловую схему, не использовался в символической политике, не был закреплён на уровне того, что создавало бы инфраструктуру памяти об этих событиях. И, безусловно, 91-й год не рассматривался как миф основания. Хотя логически если Россия - новая, то какое событие является основанием этой новой России? А август 1991, когда все-таки мы можем это представлять как некое массовое действие, как волю народа или, по крайней мере, каких-то активных групп этого народа, он не сработал. Об этом Игнац Лозо очень хорошо говорил.

В нулевые годы эта схема меняется. Не сразу, постепенно. Я как раз пыталась это отслеживать по речам президентов. Получается, что где-то в декабре 2002 – начале 2003 годов она в ряде выступлений Путина начинает

поворачиваться таким образом: вот мы говорим о Конституции новой России. Но позвольте, какая новая Россия? Россия не новая, Россия тысячелетняя.

В контексте тысячелетней России схема переворачивается. И в 2005 году Путин нам внятно сказал, что распад Советского Союза – это величайшая геополитическая катастрофа. Заметим, без указания акторов этого процесса. Но это такая катастрофа, природное стихийное явление. Советский Союз распался – это катастрофа.

Я просто хочу подчеркнуть, что в рамках одной схемы элиты уходили от конструирования 91-го года как исторического события. Оно оказалось белым пятном или черным пятном. А в рамках другой схемы модальность этого события принципиально менялась. Естественно, что 91- год – это не наше славное прошлое, а катастрофа, которая с нами случилась.

И еще один момент, который я хотела бы добавить к этим рассуждениям. Уже говорили – и Иван Курилла, и Никита Соколов, - что, в общем-то, элита (властвующая элита в данном случае, я имею в виду тех, кто говорит от имени государства прежде всего) пытается работать с историческим прошлым по достаточно эклектичной схеме, не увязывая концы с концами, играя с тем, во что удобно играть.

И это было Сергеем Лукашевым увязано со стремлением лечить травму, то есть как бы эти вещи не педалировать.

Я думаю, что это вполне правдоподобное объяснение. Но весьма правдоподобно, на мой взгляд, выглядит еще одно. Ведь прошлое, о котором мы говорим, то, что Вы определили как травму, является предметом очень острых споров. Это прошлое, по поводу которого у нас существует не только травма, у нас существует высокий градус общественного несогласия. И работа с тем, что вызывает несогласие, предполагает занятие сторон и несет с собой определенные символические риски.

Поэтому мне представляется, что эта определенная тактика символической политики, которую Путин как раз весьма последовательно

реализует на протяжении этих уже многих лет. И, конечно, с точки зрения расчета рисков и преимуществ такая тактика имеет свои преимущества. Поэтому, может быть, это лечение травмы. Но, может быть, это вполне конкретный политический расчет. Если обстоятельства позволяют так играть на всех площадках сразу, не связывая концы с концами, не договаривая до конца, то политики, которые имеют возможность это делать, оказываются в выигрыше.